

Е. В. Зеленкова

Тема смерти в послереволюционной лирике В. Хлебникова

Автор анализирует образ Волги в стихотворениях Велимира Хлебникова «Волга! Волга!» и «Трубите, кричите, несите!» и выявляет трансформацию традиционного для русской культуры «волжского текста» в аспекте «мортальной поэтики» Хлебникова, рассматривая комплекс мотивов (отчаяния, страданий, мучений, забвения, оборотничества, ослепления и смерти), возникающих в связи с данным образом.

Ключевые слова: Хлебников, «волжский текст», Волга как культурный символ, мифологема, мортальный дискурс, трансформация традиционного образа, мотив смерти, мотив голода.

E. V. Zelenkova

Death Subject in V. Khlebnikov's Postrevolutionary Lyrics

The author analyzes the image of Volga in Velimir Khlebnikov's poems "The Volga! The Volga!" and "Blow, Shout, Bear!" and reveals transformation of "the Volga text" traditional for the Russian culture in aspect of Khlebnikov's "mortal poetics", considering a complex of motives (despair, sufferings, tortures, oblivion, werewolfness, dazzling and death), appearing in connection with this image.

Keywords: Khlebnikov, "the Volga text", the Volga as a cultural symbol, mythologeme, mortal discourse, transformation of a traditional image, a motive of death, a motive of hunger.

Тема смерти – одна из главных экзистенциальных тем в истории культуры человечества – занимает значительное место в универсуме Велимира Хлебникова. В монографии «Велимир Хлебников: Жизнь и творчество» Н. Степанов писал: «Образ и тема смерти занимают в творчестве Хлебникова большое и важное место» [6, с. 160]. В. П. Григорьев, освещая возможные пути развития велимироведения и заостряя внимание на существующих «лакунах» в изучении поэтики *Предземшара*, вновь выделяет тему «Оппозиция жизнь/смерть у Хлебникова» как одну из наиболее актуальных [1, с. 499].

Таким образом, интерес исследователей к изучению различных аспектов феномена смерти в текстах Хлебникова позволяет говорить о «мортальном дискурсе» творчества поэта. Однако, несмотря на то, что тема развивалась в произведениях В. Хлебникова на протяжении всего его творчества, особое развитие она получила в его послереволюционной поэзии. Н. Е. Тропкина всю лирику Хлебникова 1917–1922 гг. называет «отражением времени», «частью общего метатекста, который образует русская поэзия конца 1910 – начала 1920-х годов» [8, с. 17]. Именно характером времени обусловлена проблематика поэзии Хлебникова в 1917–1922 гг., доминиро-

вание в ней темы смерти. Обратимся к двум стихотворениям автора, не привлекавшим до сегодняшнего дня внимания исследователей: «Волга! Волга!» и «Трубите, кричите, несите!», и ответим на вопрос, как тема смерти раскрывается в этих текстах.

Прежде всего, заметим, что оба эти текста связаны образом Волги. Река сыграла огромное значение в жизни поэта, о чем свидетельствует хотя бы автобиографическая заметка Хлебникова, где на одной странице данный гидроним употреблен пять раз: «При поездке Петра Великого по Волге мой предок угощал его кубком с червонцами разбойничьего происхождения <...> Принадлежу к месту Встречи Волги и Каспия-моря (Сигай) <...> Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат. Жил на Волге, Днепре, Неве, Москве, горыни <...> Перейдя перешеек, соединяющий водоемы Волги и Лены, заставил несколько пригоршней воды проплыть вместо Каспийского моря в Ледовитое <...> Переплыл залив Судака (3 версты) и Волгу у Ено-таевска» [9, с. 5].

Заметим, что Волга всегда являлась репрезентативным образом всей России. С древнейших времен на Руси образ великой реки актуализируется в топонимических мифах. В этих сказаниях

Волга обретает человеческий облик. Она – сестра нетерпеливой Вазузы и лукавой Западной Двины. У красавицы Волги есть братья – бурный Днепр и глубоководное Ильмень-озеро. Волжская тема развита в фольклоре. В литературе образ реки появляется только в конце XVIII в. в стихотворениях Н. М. Карамзина «Волга» (1793) и И. И. Дмитриева «К Волге» (1794). В XIX в. образ Волги находим в произведениях П. И. Мельникова-Печерского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова. В это же время активно разрабатывается волжская тема не только в литературе, но и в живописи: А. К. Саврасов «Бурлаки на Волге» (1871) и «Волга» (1874), И. Е. Репин «Бурлаки на Волге» 1873, И. И. Левитан «Волга – река грусти», А. К. Рылов «Свежий ветер. Волга» 1895.

О «незыблемости символического статуса Волги в семиотическом пространстве России» говорит М. Ю. Тимофеев [7], «прецедентным знаком русской культуры» называет Волгу Т. Н. Кожина, Н. В. Лекомцева [4, с. 77]. Обращение писателей и художников к образу могучей реки упрочило ее символический статус в русской культуре, сформировало ее семантический ореол, который связан с такими понятиями, как мощь, сила, молодецкая удаль, простор, свобода и др. В творчестве же В. Хлебникова образ Волги и традиционный для русской культуры «волжский текст» претерпевают определенную трансформацию, что будет нами продемонстрировано на примере анализа его текстов.

Два вышеназванных текста Хлебникова, помимо образа Волги, связывает и время их создания. Оба стихотворения написаны в 1921 г. В биографии поэта эти годы – с 17-го по 21-й – время скитаний. После начала революции он переезжает из Петрограда в Москву, оттуда – в Астрахань. Девятнадцатый год застает его на Украине. Чтобы избежать мобилизации в армию Деникина, Хлебников вынужден скрываться в харьковской психиатрической больнице, где ему удается получить «белый билет». В 1920 г. Хлебников оказывается на Кавказе, затем в Персии, работает в различных газетах, в бакинском и пятигорском отделениях РОСТА, в политпросвете Волжско-Каспийского флота. В истории же страны это время именуется как «голод в Поволжье». Вспомним, что в августе 1914 г. Россия оказалась втянутой в Первую мировую войну, которая вскоре переросла в войну Гражданскую. В общей сложности военные действия в стране продолжались свыше семи лет, и при этом, по

разным оценкам, погибло от 15 до 25 миллионов человек. А поскольку в те годы более 90 процентов российских мужчин составляли крестьяне, то к 1921 г. выращивать хлеб в стране стало практически некому. Наиболее работоспособная часть крестьянства либо все еще пребывала на фронтах, либо уже лежала в сырой земле. В это время Хлебников пребывает в Пятигорске. В воспоминаниях Д. Козлова читаем: «В. В. Хлебников пришел к нам больной и жалкий. Больным он оставался все время, таким и уехал в начале марта в Москву, но из жалкого он постепенно вырастал во “власть имущего”, ибо являл собою высокий пример того, как должен вести себя человек в минуты всеобщей опасности, сообразно своей природе. Хлебников, сам голодая, пишет – “Трубите, кричите, несите”. Несите – не на Терек, где тяжело, а на Волгу, где еще хуже» [5, с. 177–188].

Стихотворение написано в одну ночь для «Недели помощи Поволжью». Заглавие текста выполняет в данном случае явно экспрессивно-апеллятивную функцию: выявляет авторскую позицию и психологически готовит читателя к восприятию текста: «Трубите, несите, кричите!» – три глагола побудительного наклонения, связанные только интонацией, звучат как воззвание. Адресат его, исключительная трагическая обстановка, личное бессилие заставляют героя буквально выкрикивать дерзкие слова: «Вы, поставившие ваше брюхо на пару толстых свай, // Вышедшие, шатаясь, из столовой советской, // Знаете ли, что целый великий край, // Может быть, станет мертвецкой?» [9, с. 154].

Почти каждая строчка здесь – призыв к конкретным действиям: «Несите большие караван // На сборы Голодной недели. // Ломоть еды отдавая, // Спасайте тех, кто поседел!» [5, с. 154].

Хлебников никак не может примириться с мыслью, что его родная Волга раздавлена голодом: «Но знайте – на Волге засуха: // Единственный повод, чтобы не взять, а – дать» [9, с. 154].

Заметим, что Волга в данном случае мыслится не как река, а как определенное географическое пространство, в котором разворачиваются трагические события: «Волга всегда была вашей кормилицей, // Теперь она в полугробу. // Что бедствие грозно и может усилиться – // Кричите, кричите, к устам взяв трубу!» [9, с. 154].

Образу Волги-кормилицы, орошавшей русские поля испокон веков, а потому ассоциировавшейся в народно-поэтическом сознании с дарующим жизнь началом, противопоставляется

образ Волги, отнимающей жизнь: «<...> над целой страной // повис коготь смерти» [9, с. 154]. Река и ограниченное ею пространство в буквальном смысле становится воплощением смерти: «великий край <...> станет мертвецкой», «Волга <...> в полугробу». Этим значением порождаются и мотивы отчаяния, страданий, мучений, но особой природы, отличной от тех, которые связываются, например, с образом Волги в народных песнях (боль неразделенной любви в лирических песнях, тоска по истинной свободе в бурлацких песнях).

То же значение реализует образ и в стихотворении «Волга! Волга!». Здесь река вновь – «единица измерения пространства» – с одной стороны, с другой – перед нами некое ужасающее существо: «Ты ли глаза-трупы // Возводишь на меня? // Ты ли стреляешь глазами // Сел охотников за детьми, // Исчезающими вечером? // Ты ли возвела мертвые белки // Сел самоедов, обреченных уснуть, // В ресницах метелей, // Мертвые бельма своих городов, // Затерянные в снегу? // Ты ли шамкаешь лязгом // Заколоченных деревень?» [9, с. 156]. И эти наводящие ужас строки не являются художественным преувеличением. Хлебников словно облакает в поэтическую форму официальный отчет. В подтверждение приведем фрагмент из доклада губернского инструктора А. А. Зворыкина от 15 февраля 1922 г.: «Населением Ставропольского уезда съедено все, что только можно съесть: кора деревьев, солома с крыш, тряпье, какое скапливалось годами, все суррогаты до катуна включительно. Собирают лошадиный кал и в свежем виде перерабатывают его в пищу. Трупоедство развито невероятно. Съедаются не только умирающие свои близкие, но и воруются трупы из амбаров, куда свозятся все покойники в ожидании групповых похорон. Хоронят в каждой деревне один раз в 10–14 дней, человек по 60–80» [3].

В сознании читателя возникает аллегория смерти – безобразной старухи с косою, шамкающей беззубым ртом. Значение образа (Волга – воплощение самой смерти) подкрепляется и упорочивает свое символическое значение словарем, при помощи которого он создается. Поражает в нем форсированная частота повторов лексем, родственных слову «смерть»: «мертвые белки», «мертвые бельма», «мертвые очи» и присутствие в тексте семантически с ней связанной лексики: «глаза-трупы». Этим значением порождаются мотивы забвения («мертвые белки // Сел самоедов, // обреченных уснуть»), опустошения

(«шамкаешь лязгом // Заколоченных деревень? // жителей нет – ушли»).

Как в предыдущем стихотворении, образу Волги настоящего Хлебников противопоставляет образ Волги прошлого, в котором вновь актуализируется ее материнское/жизненное начало. Но это не «Волга – матушка», а волчица, в заботе о своих детях готовая на проявление агрессии: «Как! Волга матерью, // Бывало, дикой волчицей // Щетинившая шерсть, // Когда смерть приближалась // К постелям детей – // Теперь сама пожирает трусливо детей, // Их бросает дровами в печь времени?» [9, с. 156].

Если раньше Волга давала жизнь, то теперь она сама же отнимает ее у собственных детей. Известно, что образ реки амбивалентен: он может быть символом жизни и смерти. Но традиция закрепляет за ним «мотивированное» значение смерти: она, как правило, оказывается наказанием человека за грехи. У Хлебникова мотивов наказания, суда божьего мы не слышим. Кажется, что он напротив, взывая к конкретному кругу лиц, подчеркивает объективные причины одичания (Волга не добрая мудрая матушка, а дикая волчица) и омертвения Волги.

Кроме того, образ волка порождает мотив оборотничества, а оппозиция «бывало»/«теперь» его поддерживает. По наблюдениям Л. И. Егоровой, «помимо мотива оборотничества, общим моментом в значениях образа волка является также связь волка с умершими» [2, с. 28]. Этот факт углубляет и укореняет символическое значение смерти образа Волги.

Заметим, что данным локальным словарем задан и мотив ослепления: «Кто проколол тебе очи? <...> Волга, снова будь Волгой!» [9, с. 156]. Олицетворенная Волга словно сама не хочет видеть весь ужас происходящего. Голосами тех, кто должен, по мысли Хлебникова, «нести, трубить, кричать», она опровергает ситуацию: «Скажи, это ложь! // Скажи, это ложь!» [9, с. 156]. Цена нравственной слепоты, по Хлебникову, – «пятак построчной платы».

Волга перестала быть символом храбрости, силы и величия. Теперь она обескровлена, обессилена, а самое страшное – покорна. Буквальный концентрат этой мысли в строках: «Волга, снова будь Волгой! // Бойко, как можешь, // Взгляни в очи миру!» [9, с. 156].

В это же время пишет Хлебников поэму «Уструг Разина». Этот текст, на первый взгляд, не связан с откликом Хлебникова на голод в По-

волжье, однако мотивы, связанные с образом Волги, созвучны сформулированным ранее.

Начинается стихотворение картиной бури, наперекор которой продолжают свой путь разинцы: «Была повольницей полна // Уструга узкая корма. // Где пучина для почина // Силу бурь удесятеря, // Волги синяя овчина // На плечах богатыря» [9, с. 421]. И вновь мотив смерти порождает образ реки, она «пучина для *почина*».

Причиной непогоды, из слов разинцев, становится тот факт, что для Волги пришло время приношения жертвы: «Волга-мать не видит пищи, // Время жертвы и жратвы» [9, с. 421].

Волга в поэме Хлебникова предстает живым «оголодавшим» существом. Образ вновь становится олицетворением дикой жестокости и неизбежности смерти. «Животность» образа подчеркивается образом волчицы, с которой сравнивается Волга и который мы уже интерпретировали выше: «Волге долго не молчитя. // Ей ворчитя, как волчице. // Волны Волги – точно волки, // Ветер бешеной погоды. // Вьется шелковый лоскут. // И у Волги у голодной // Слюни голода текут» [9, с. 423].

Появление образа волка, который в поэзии Хлебникова мы уже встречали, порождает мотив оборотничества. «Озверевшая» Волга становится символом жестокости. Волны бушующей реки уносят девушку так же стремительно, как волк лишает жизни свою жертву.

Кажется, что Хлебников обращается к сюжету легенды о том, как Разин во время одного из своих походов утопил наложницу, не ради его самого, а преследуя другую цель. Возникает закономерный вопрос: какую? Ответ на него, как нам видится, можно найти, вновь обратившись ко времени создания произведения. Это 19 января 1922 г. Даты очень показательны, о том, что происходило в стране в это время и как откликнулся на происходящее поэт, мы уже говорили. Поэма «Уструг Разина», таким образом, оказывается вписана в комплекс текстов Хлебникова о голоде на Волге.

Таким образом, данные тексты, *во-первых*, подтверждают мысль о том, что тема смерти у Хлебникова получила активное развитие в послереволюционные годы. Это объясняется прежде всего конкретными историческими событиями. *Во-вторых*, доказывают факт семантической трансформации у Хлебникова образа Волги. Анализ словаря стихотворений позволил выделить ряд мотивов, связанных с темой смерти: отчаянья, страданий, мучений (как нравствен-

ных, так и физических), мотив забвения (буквальное вымирание Поволжья обрекает на исчезновение всю великую историю реки), мотив оборотничества (время заставляет Волгу превратиться из жизнь дающей в жизнь отнимающую), мотив ослепления (потеряны нравственные ориентиры, великая река отныне воплощение не мудрости, справедливости, но духовной слепоты). Образ реализует и порождает именно эти значения и мотивы по вполне объективным причинам. Волга не может уже быть символом жизни, плодородия, потому что на ее берегах вымирают от голода целые деревни и на события эти откликается в своем творчестве поэт, которому хватает смелости обратиться к «властьдержащим», пусть он и понимает тщетность одних лишь слов («Я знаю, кожа ушей ваших, точно у буйволов мощных, туга, // И ее можно лишь палкой растрогать» [9, с. 154]).

Библиографический список

1. Григорьев, В. П. Будетлянин [Текст] / В. П. Григорьев. – М.: 2000.
2. Егорова, Л. И. Семантика мифологемы волка в традиционной культуре якутов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. И. Егорова. – Улан-Удэ, 2004. – 20 с.
3. Ерофеев, В. Голод в Поволжье [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Режим доступа: <http://tainy.info/disasters/golod-v-povolzhe/>
4. Кожина, Т. Н. «Рек, озер краса, глава, царица...»: Волга как прецедентный знак русской культуры [Текст] / Т. Н. Кожина, Н. В. Лекомцева // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 3. – С. 32–40.
5. Козлов, Д. Новое о Велемире Хлебникове [Текст] / Д. Козлов // Красная новь. – 1927. – № 8. – С. 177–188.
6. Степанов, Н. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество [Текст] / Н. Степанов. – М.: Советский писатель, 1975.
7. Тимофеев, М. Ю. Реки в семиосфере нации: случай России [Электронный ресурс] / М. Ю. Тимофеев. – Режим доступа: <http://www.timland.narod.ru/nation/rivers.htm>
8. Тропкина, Н. Е. Образный строй русской поэзии 1917–1921 гг. [Текст] / Н. Е. Тропкина. – Волгоград: Перемена, 1998.
9. Хлебников, В. Всемирная библиотека поэзии. Избранное [Текст] / В. Хлебников. – Ростов н/Д : Феникс, 1996.